

**ЧЕХОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

О ЧЕХОВЕ

**■ ■ СБОРНИКЪ ■ ■
ВОСПОМИНАНИЙ**

Arizona

Texas

Москва, 1910.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т-ва, № 9.

А. П. по окончаніи университета.

Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Воспоминанія и письма.

Вотъ уже и болѣе пяти лѣтъ прошло, какъ умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ.

И какихъ лѣтъ!

Сколько разъ за это время съ болью въ сердцѣ хотѣлось крикнуть: /Зачѣмъ нѣтъ его? Зачѣмъ не видитъ онъ, что творится у насъ, на родинѣ? Онъ увидалъ бы, какъ просыпается и воскресаетъ эта «нелѣпая и неуклюжая стран?а», которую онъ такъ любилъ, о которой онъ такъ скорбѣлъ, для которой онъ такъ много работалъ. Онъ увидалъ бы, какъ продираютъ глаза его «недо-тепы» и «нытики», какъ отступаютъ назадъ и гибнутъ его неизмѣнные враги— пошлость и плоскость; какъ на смѣну разнымъ «нытикамъ» идутъ люди дѣла, смѣлаго размаха, самоотверженія. /Идутъ, и хотя еще пока гибнутъ въ тяжелой борьбѣ съ вѣковымъ зломъ, столь глубоко заустившимъ свои корни въ нашу рыхлую

землю, но и погибая, уже пророчествуютъ намъ возрожденіе и новую жизнь.

Да! Люди сегодняшняго дня уже не предаются сентиментальнымъ мечтамъ о томъ, что будетъ черезъ триста лѣтъ, а прямо и категорически спрашиваютъ: что скажетъ намъ завтра?

Теперь, въ эти дни тяжелаго испытанія, лучше, чѣмъ когда-либо видишь, какъ много мы обязаны А. Чехову, какую большую подготовительную работу сдѣлалъ онъ для нынѣшняго пробужденія. По образному выраженію Максима Горькаго, Чеховъ «тономъ мягкаго, но глубокаго упрека сказалъ:

— Скверно вы живете, господа! Стыдно такъ жить!»

И теперь вотъ мы видимъ, что дѣйствительно скверно мы жили и стыдно было такъ жить. И больше такъ жить не будемъ!

Чеховъ сдѣлалъ свое великое дѣло и отошелъ. Но зачѣмъ онъ такъ рано умеръ? Зачѣмъ онъ не остался посмотрѣть на результаты трудовъ своихъ? Наивный, пустой вопросъ! Безполезный, какъ бессильный ропотъ, но что дѣлать, если онъ возникаетъ въ душѣ...

I.

Маленькіе рассказы Ант. Чехонте, въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ все болѣе и болѣе приковывали вниманіе читающей публики. А среди петербургской литературной братіи понемногу начали интересоваться и самой личностью автора.

— Кто онъ такой? Гдѣ живетъ? Что за странный псевдонимъ?—задавались вопросы.

— Онъ только что окончившій курсъ молодой врачъ, живетъ въ Москвѣ, настоящая его фамилія Чеховъ,—отвѣчали знающіе.

А болѣе освѣдомленные добавляли:

— И человекъ онъ душевнѣйшій и милѣйшій.

А когда Антонъ Павловичъ изъ «Петербургской Газеты» перешелъ въ «Новое Время» и сталъ подписываться

своей настоящей фамиліей, не только исключительные любители литературы, но и такъ называемая «большая публика» стала зачитываться его произведеніями. Чего не смѣли признать въ какомъ-то невѣдомомъ А. Чехонте, признавали уже въ Антонѣ Чеховѣ, т.-е. оригинальный, исключительный талантъ и свѣжесть мысли. Только старовѣрская критика нѣкоторыхъ журналовъ еще брезгливо молчала.

Однимъ изъ самыхъ видныхъ глашатаевъ Чеховскаго таланта несомнѣнно былъ покойный Д. В. Григоровичъ. Это онъ откопалъ Чехова въ «Петербургской Газетѣ» и, не смущаясь ни страннымъ псевдонимомъ, ни мѣстомъ, въ которомъ появлялись эти маленькіе рассказы, заявлялъ *urbi et orbi*, что въ Ан. Чехонте мы должны видѣть нашу надежду, нашего будущаго большого писателя.

Почему будущаго? Да развѣ Антонъ Павловичъ Чеховъ, въ своихъ самыхъ маленькихъ рассказахъ былъ не такимъ же большимъ писателемъ, какъ и въ послѣдующихъ большихъ произведеніяхъ? И не даромъ же онъ такъ любилъ именно маленькіе рассказы.

Помню, въ одинъ изъ пріѣздовъ его въ Петербургъ, въ литературныхъ кружкахъ распространился слухъ, что Антонъ Павловичъ женится на одной милліонершѣ. Зайдя къ нему, я спросилъ его, сколько правды въ этихъ слухахъ?

— Да, да, представьте! До меня тоже дошли слухи о моей женитьбѣ. Настойчиво меня увѣряютъ, что я женюсь.

— Ну, а вы сами-то какъ?

Вмѣсто отвѣта, Антонъ Павловичъ только улыбнулся. «Ну, полноте вздоръ городить!» — сказала мнѣ эта улыбка.

— А, вѣдь, у нея семь милліоновъ приданаго, — дразнилъ я.

— Хорошія деньги! — тихо улыбаясь и шагая взадъ и впередъ по комнатѣ, говорилъ Антонъ Павловичъ. — Вообще, быть богатымъ должно быть очень пріятно.

— А что бы вы стали дѣлать, если бы вдругъ очень разбогатѣли?

— Я бы все самые маленькіе рассказы писалъ, — совершенно серьезно сказалъ онъ.

Еще не будучи знакомымъ съ Чеховымъ, я уже заочно любилъ его по его произведеніямъ и любилъ не только, какъ писателя, но и какъ человѣка. Не могу теперь вспомнить, какимъ именно представлялся онъ мнѣ тогда, такъ какъ личное знакомство должно было стереть заочное представленіе. Но мнѣ все кажется, что такимъ именно онъ мнѣ и представлялся до знакомства, какимъ впоследствии я зналъ его. Очень ужъ онъ индивидуаленъ въ своихъ рассказахъ.

Однажды встрѣтился я съ И. Л. Щегловымъ и разговаривалъ о Чеховѣ.

— Да, вѣдь, я лично съ нимъ знакомъ, — сказалъ И. Л.

— Да неужто? — воскликнулъ я, съ завистью поглядывая на этого счастливица.

— Ну, что? Что онъ такое? Что онъ изъ себя представляетъ?

Щегловъ даже зажмурился.

— Это, батенька, такой, такой человѣкъ, какихъ я, кажется, никогда и въ жизни не видалъ: простота, мягкость, обаяніе! Да вы сами поѣзжайте къ нему и познакомьтесь.

— Т.-е. какъ поѣзжайте? Куда?

— Да въ Москву. Я вамъ и адресъ дамъ. Не бойтесь. Онъ приметъ васъ очень радушно. Смѣло идите къ нему.

И Щегловъ сообщилъ мнѣ адресъ Чехова.

Желаніе познакомиться съ Чеховымъ захватило меня всецѣло. Но ѣхать прямо къ нему такъ, ни съ того, ни съ сего, я все-таки считалъ неудобнымъ и ждалъ случая.

Это было весной 1888 года. Какъ разъ въ это время вышелъ въ печати первый томъ моихъ комедій, и я сдѣлалъ то, чего ни раньше, ни послѣ никогда не дѣлалъ, т.-е. послалъ свою книжку человѣку, котораго я лично не зналъ и который самъ не выражалъ никакого желанія получить эту книжку. На обложкѣ я, конечно,

сдѣлать соответствующую надпись, какую—ужь теперь не помню. Послать и сейчас же сталъ раскаиваться:

«Ну, зачѣмъ я это сдѣлать? Что за навязчивость? Получить онъ мою книжку, швырнетъ ее въ корзинку и скажетъ: «вотъ тоже лѣзутъ разные со своими приношеніями».

Но не прошло и недѣли, какъ въ редакціи, въ которой я тогда работалъ, на мое имя былъ полученъ маленькій, скромненькій конвертикъ, надписанный незнакомымъ почеркомъ. Я разорвалъ конвертъ и сталъ читать письмо:

«Милостивый Государь, Владиміръ Алексѣевичъ! Приношу Вамъ, мою сердечную благодарность за книгу и за лестную надпись на ней...»

Я быстро перевернулъ страницу и взглянулъ на подпись: «А. Чеховъ». Въ глазахъ у меня зарябило. «Милый! Милый!» твердилъ я не хуже иной влюбленной барышни, получившей письмо отъ своего предмета. Затѣмъ, успокоившись немного, сталъ читать письмо по порядку.

Онъ писалъ, что видѣлъ нѣкоторыя мои пьесы на сценѣ, что знаетъ меня. «Ахъ, ну, все равно! Видѣлъ—не видѣлъ, знаетъ—не знаетъ! Важно не то. Важенъ онъ самъ, его письмо, думалъ я, читая его первыя ласковыя строки.

— А это? Это что онъ пишетъ?»

«...Мнѣ хочется отплатить Вамъ тѣмъ же, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время у меня дома нѣтъ ни одной моей книги. Пришлите мнѣ Вашъ адресъ, и я постараюсь возможно скорѣе поквитаться съ Вами.

«Если будете въ Москвѣ, то убѣдительно прошу Васъ пожаловать ко мнѣ. Застать меня можно во всѣ времена года (кромѣ лѣта. Мой лѣтній адресъ: г. Сумы, Харьк. губ., усадьба А. В. Линтваревой). Днемъ до 2-хъ часовъ и вечеромъ отъ шести до двѣнадцати. Я былъ бы очень радъ познакомиться и поблагодарить Васъ словесно. Позвольте пожелать Вамъ успѣха и здоровья, и пребыть искренно уважающимъ—А. Чеховъ. Кудринская Садовая, д. Корнѣева».

— Ну, теперь все рѣшено. Теперь я ѣду къ нему, Я познакомлюсь съ нимъ,—восторженно бормоталъ я, опять и опять перечитывая его письмо.

Итакъ, я рѣшилъ ѣхать въ Москву и познакомиться съ Чеховымъ. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Въ Москву я попалъ только осенью того же года, а пока произошло еще одно событіе и произошло оно чуть ли не черезъ два—три дня послѣ полученнаго мною письма.

Было это въ Страстную субботу. Я жилъ одиноко въ меблированной комнатѣ на Невскомъ проспектѣ. Наступалъ вечеръ. Заранѣе условившись съ одной компаніей провести эту ночь вмѣстѣ, я въ одиннадцатомъ часу собирался уже выйти изъ дому, какъ корридорный служитель подалъ мнѣ какой-то пакетикъ, сказавъ, что это еще утромъ принесли, да въ кухнѣ завалялось. Это была заказная бандероль, а въ ней томъ чеховскихъ рассказовъ подъ названіемъ «Въ сумеркахъ».

Забывъ все на свѣтѣ, я присѣлъ къ столу и сталъ перелистывать книжку. На первой страницѣ была краткая, но сердечная надпись Чехова. Почти со всѣми рассказами я уже былъ знакомъ и просматривалъ ихъ бѣгло, повторяя только особенно запечатлѣвшіяся въ памяти мѣста. Но вотъ и послѣдній рассказъ, для меня еще совершенно новый: «Святою ночью». Я такъ и впился въ него. И комната моя, какъ по волшебству, исчезла, а я, вмѣстѣ съ авторомъ, стоялъ на берегу разлившійся Голтвы, въ ожиданіи парома, чтобы плыть съ нимъ на другой берегъ, въ монастырь, къ пасхальной заутренѣ. Вмѣстѣ съ нимъ слушалъ я полную задумчивой грусти о трепещущей поэзіи рѣчь инока Іеронима. Вмѣстѣ съ нимъ бродилъ я по монастырю... Однимъ словомъ, сидя въ моей одинокой комнатѣ, за письменнымъ столомъ, я пережилъ едва ли не лучшую и, во всякомъ случаѣ, наиболѣе памятную для меня пасхальную заутреню.

Когда я дочиталъ послѣднюю строку и совсѣмъ очарованный подошелъ къ открытому окну, густой, про-

тяжный гулъ колокола на исаакіевской колокольнѣ поплылъ по улицамъ города.

«Радуйся крине райскаго прозябаніе,—сказано въ акаеистѣ Николаю Чудотворцу»—повторялъ я только что прочитанныя и уже врѣзавшіяся въ душу строки разсказа.—«Не сказано просто: крине райскій, а крине райскаго прозябанія. Такъ и глаже и для уха сладко»...

А воображеніе мое рисовало молодого, полного задумчивой грусти поэта, выпѣвшаго изъ своего сердца этотъ чудный разсказъ.

II.

Наступила осень 1888 года. Литературныя дѣла вызвали меня въ Москву. И въ самый день приѣзда туда, только что отдѣлавшись отъ первыхъ хлопотъ, въ третьемъ часу дня я отправился на Кудринскую-Садовую къ Антону Павловичу, чтобы сдѣлать ему мой первый визитъ. Я не рассчитывалъ застать его, такъ какъ въ своемъ письмѣ онъ писалъ, что бываетъ дома до двухъ часовъ дня и послѣ шести вечера. Я какъ будто робѣлъ такъ вдругъ сразу встрѣтиться съ нимъ. Мнѣ просто хотѣлось оставить свою визитную карточку, чтобы, быть можетъ, получить подтвержденіе его приглашенія.

Но вотъ и домъ Корнѣева, небольшой, двухъ-этажный и ужасно похожій на старинный комодъ о четыре ящика. Звоню. Горничная впускаетъ меня прямо въ переднюю.

— Антонъ Павловичъ Чеховъ дома?—спрашиваю я.

А слѣва отворяется дверь, и на порогѣ ея стоитъ довольно высокій, худощавый молодой человѣкъ, съ молодой бѣлокурой бородкой и такимъ теплымъ-теплымъ баскомъ отвѣчаетъ мнѣ за нее:

— Дома.

Я сразу догадался, что это Антонъ Павловичъ и назвалъ свою фамилію.

— А! Пожалуйте. Очень радъ.

Мы вошли въ кабинетъ и... были уже знакомы, т.-е.

случилось что-то странное: черезъ минуту я сидѣлъ на какомъ-то диванѣ и курилъ, а Антонъ Павловичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и тоже курилъ и говорилъ со мной, какъ съ человѣкомъ, съ которымъ онъ уже давнымъ-давно знакомъ и съ которымъ не выдался всего какихъ-нибудь два-три дня, но за эти два-три дня накопилось кое-что, о чемъ надо поговорить. И онъ говорилъ объ этомъ, а я смотрѣлъ, отвѣчалъ, самъ старался говорить и чуть уже ему не завидовалъ.

— Боже мой! Что это за удивительная простота, думалъ я.—Откуда она? Чѣмъ она достигается?

И эта простота, не есть пренебреженіе человѣка, чувствующаго себя выше своего собесѣдника и думающаго: мнѣ дескать, все равно, что ты обо мнѣ подумаешь! Я, дескать, себѣ цѣну и самъ знаю: это не простота человѣка, привычнаго къ безчисленнымъ посѣщеніямъ и новымъ знакомствамъ, нѣтъ, это простота какая-то органическая, это именно та простота, съ которой каждый человѣкъ долженъ бы подходить къ другому: «ты, дескать, человѣкъ, я—человѣкъ, стало быть, мы братья».

И я самъ старался быть какъ можно проще. И чѣмъ больше старался, тѣмъ меньше мнѣ это удавалось. Я и ногу на ногу закидывалъ, и на диванъ небрежно разваливался, и говорилъ самымъ непринужденнымъ тономъ и все замѣчалъ, что и ногу на ногу я закидываю какъ-то неладно, и разваливаюсь я безъ надобности, и тонъ у меня напряженный и все-то я тороплюсь куда-то и со всѣхъ сторонъ отрекомендоваться спѣшу.

А онъ ходитъ себѣ взадъ и впередъ по комнатѣ, крутитъ папиросу за папиросой (много онъ въ то время курилъ) и плавно такъ своимъ теплымъ баскомъ говорить о чемъ-то. Вопросы задаетъ, отвѣчаетъ и все это такъ просто, какъ будто мы съ нимъ уже вѣкъ знакомы. А я сижу и проклиная себя за мою излишне развязную застѣнчивость.

И вотъ что странно: какъ съ перваго раза началось, такъ все время нашего знакомства на многіе годы и продолжалось. Чеховъ былъ всегда со мной удивительно

прость, а я съ нимъ всегда какъ-то застѣнчиво раз-
вязень. Да и то сказать—такая простота, которой его
надѣлила природа, многимъ ли дана въ удѣль?

Конечно, въ послѣдствіи и я пріобвыкъ и проще съ
нимъ держался, все-таки, что-то напряженное чувство-
валось. И особенно это сказывалось въ письмахъ. Его
письма по простотѣ развѣ только съ Пушкинскими и
можно сравнить. А начнешь ему самъ писать, все словно
выслужиться хочешь и со всѣхъ сторонъ себя въ самомъ
лучшемъ и интересномъ видѣ показать стараешься...

Время отъ времени Антонъ Павловичъ на минуту
обрывался, подсаживался къ письменному столу и что-
то писалъ на листочкахъ почтовой бумаги малаго
формата.

— Вы что это пишете?

— Да такъ, рассказъ дописываю,—совсѣмъ просто от-
вѣтилъ онъ.

— Такъ я вамъ мѣшаю? Простите, ради Бога?—
всполошился я, поднимаясь съ дивана.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста! Нисколько не мѣшаете.
Я всегда такъ, успокоилъ онъ меня.

О чемъ мы тогда говорили? Не помню. Навѣрное, о
литературѣ. Антонъ Павловичъ въ то время любилъ о
литературѣ говорить и любилъ повторять, что всѣмъ
намъ нужно писать, писать и какъ можно больше пи-
сать. «Авось, всѣ вмѣстѣ что-нибудь да и напишемъ
сообща».

Эту свою мысль онъ повторилъ однажды и въ письмѣ
ко мнѣ. Дѣло было такъ: разъ въ русскомъ литератур-
номъ обществѣ, въ маленькой тѣсной компаніи, зашелъ
разговоръ объ Антонѣ Чеховѣ. Присутствовавшій тутъ
же Н. П. Вагнеръ (Котъ Мурлыка) сказалъ, что онъ счи-
таетъ Чехова величайшимъ русскимъ писателемъ, сло-
номъ между всѣми нами.

Въ одномъ изъ писемъ къ Антону Павловичу я упо-
мянулъ объ этомъ разговорѣ, а вскорѣ получилъ отъ него
письмо, въ которомъ между прочимъ, были такія
строки:

...«Дай Богъ, чтобы комедія, которую вы носите подъ сердцемъ удалась Вамъ и дала Вамъ то, что Вы хотите. Чѣмъ больше успѣха, тѣмъ лучше для всего нашего поколѣнія писателей. Я, вопреки Вагнеру, вѣрую въ то, что каждый изъ насъ въ отдѣльности не будетъ «ни слономъ среди насъ» и никакимъ либо другимъ звѣремъ, и что мы можемъ взять усиліями цѣлаго поколѣнія,— не иначе. Всѣхъ насъ будутъ звать не Чеховъ, не Т., не К., не Щ., не Б., не Б., а «восьмидесятые годы», или «конецъ XIX столѣтія». Нѣкоторымъ образомъ, «артель»...

Не этимъ ли объясняется его такое ровное отношеніе къ пишущей братіи? Между сверстниками онъ какъ будто не зналъ ни большихъ, ни малыхъ, а только— хорошихъ людей и не очень хорошихъ людей. Но, между прочимъ, онъ же писалъ мнѣ: «изъ писателей предпочитаю Толстого, а изъ врачей—Захарьина». И онъ же писалъ мнѣ по поводу одной моей слабой пьесы, имѣвшей, къ немалому моему личному удивленію, на первомъ представленіи порядочный успѣхъ, слѣдующія строки:

...«Поздравляю Васъ съ успѣхомъ, которому я, впрочемъ, очень не радъ. Профессіональнымъ драматургамъ, пока они молоды, надо нещадно шикать, особенно за тѣ пьесы, которыя пишутся сплеча. А то, господа, балуетесь очень и объ себѣ много понимаете. Если бы я составлялъ собою публику, то поощрялъ бы молодежь только денежно, а лавры приберегъ бы къ старости»...

Итакъ, я сидѣлъ у него на диванѣ, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, курилъ, присаживался время отъ времени къ столу, писалъ нѣсколько строкъ и въ то же время мы бесѣдовали. Бесѣда шла спокойно, ровно, безъ ненужной горячности, безъ бесполезныхъ споровъ.

Въ комнату къ намъ одинъ за другимъ, пришли три брата Чехова: художникъ Николай, учитель Иванъ и совсѣмъ еще юный Михаилъ Павловичъ. Бесѣда сдѣлалась общей, но все такой же спокойной, хотя въ ха-

рактёръ Николая чувствовалась уже нѣкоторая болѣзненная нервность, вѣроятно, результатъ начинавшейся у него въ то время чахотки.

И вотъ, во время этой общей бесѣды, я подмѣтилъ въ Чеховѣ одну характерную черту, это то, что онъ *всегда* думалъ, всегда, всякую минуту, всякую секунду. Слушая веселый рассказъ, самъ рассказывая что нибудь, сидя въ пріятельской пирушкѣ, говоря съ женщиной, играя съ собакой—Чеховъ всегда думалъ. Благодаря этому, онъ иногда самъ обрывался на полсловѣ, задавалъ вамъ, кажется совсѣмъ неподходящій вопросъ и казался иногда даже разсѣяннымъ. Благодаря этому, онъ среди разговора присаживался къ столу и что-то писалъ на своихъ листкахъ почтовой бумаги; благодаря этому, стоя лицомъ къ лицу съ вами, онъ вдругъ начиналъ смотрѣть куда-то вглубь самого себя.

III.

Насъ позвали наверхъ обѣдать и я, такъ протянувши мой первый визитъ, нашелъ вполнѣ естественнымъ, вмѣстѣ со всѣми братьями Чеховыми, уже какъ свой чело-вѣкъ въ домѣ, отправиться наверхъ, въ столовую. Тамъ я познакомился съ матушкой Антона Павловича, Евгенией Яковлевной, съ его сестрой Марьей Павловной и отцомъ, Павломъ Егоровичемъ. И я сѣлъ за столъ, въ кругу этой семьи, какъ будто уже давно знакомый, какъ будто уже близкій имъ чело-вѣкъ. И здѣсь шелъ разговоръ простой, безъ нервности, безъ раздраженія. Особенно очаровательное впечатлѣніе производили мать и дочь.

Не доѣвъ тарелку супу, Антонъ Павловичъ всталъ изъ за стола, закурилъ папирску и зашагалъ назадъ и впередъ по столовой, прислушиваясь къ нашему разговору. А послѣ жаркого онъ и совсѣмъ вышелъ изъ столовой.

— Антонъ всегда такъ, — сказала мнѣ Марья

Павловна,—поѣсть-поѣсть, а потомъ пойдетъ къ себѣ внизъ, да разскажь попишетъ.

Къ третьему блюду онъ уже былъ опять наверху.

Послѣ обѣда, мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ театръ Корша. Къ сожалѣнію, не помню теперь, какая шла пьеса, но должно быть неважная, потому что, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на сцену, мы большею частью тихо бесѣдовали между собой, сидя въ глубинѣ директорской ложи.

— Пьесы надо писать такъ, чтобы на сценѣ, напримѣръ, при лѣсной или садовой декораціи—воздухъ чувствовался настоящій, а не тотъ, который на полотнѣ написанъ. А въ комнатѣ, чтобы жильемъ пахло и не бутафорскимъ, а настоящимъ жильемъ,—говорилъ онъ, между прочимъ, мнѣ.

Въ этотъ пріѣздъ я въ Москвѣ пробылъ долго и съ Чеховымъ видѣлся часто: то онъ ко мнѣ зайдетъ въ гостиницу, то я къ нему на Кудринскую-Садовую, то въ театрѣ встрѣтимся.

И, кажется, этой же самой осенью произошелъ у насъ забавный казусъ: заѣзжаю я вечеркомъ къ Чехову, а онъ, встрѣчая меня, говоритъ:

— Какъ это хорошо, что вы сегодня пріѣхали.

— А что такъ?

— Да видите ли, за мной сейчасъ долженъ заѣхать К., чтобы везти меня знакомить къ Льву Николаевичу Толстому. Ну, а я—боюсь.

— Чего же вы боитесь?—удивился я.

— Да вотъ, подите вы! Самъ не знаю, а боюсь. Какъ это такъ, вдругъ *самого* Толстого вблизи увидеть! Говорить съ нимъ! Нѣтъ, какъ хотите, а это жутко. Ну, такъ вотъ вы пріѣхали, мы и того... и поѣдемъ всѣ вмѣстѣ, втроемъ.

Я вытаращилъ глаза.

— Позвольте, я то съ какой стати поѣду? Съ Толстымъ я не знакомъ, знакомиться же со мной онъ, кажется, не выражалъ ни малѣйшаго желанія. Какъ же я полѣзу туда незванный-непрошенный? Другое дѣло—

вы! Левъ Николаевичъ самъ пожелалъ съ вами познакомиться. Значить васъ тамъ ждуть. А я увѣренъ, что тамъ и имени то моего никогда не слышали.

— Да, но я боюсь одинъ!—настаивалъ Чеховъ.

— Такъ, вѣдь, вы же не одинъ поѣдете. Съ вами К. будетъ.

— Что-жъ что К! К. тамъ давно уже свой человѣкъ. Онъ уйдетъ въ другую комнату, а я—одинъ останусь. Страшно.

Я сталъ убѣждать Чехова, что ничего тутъ страшнаго нѣтъ, что сколько мнѣ пришлось слышать про Льва Николаевича и его семью, все это люди простые, милые, радушные, что примутъ его, вѣроятно, какъ родного.

Но Антонъ Павловичъ все стоялъ на своемъ: страшно, да и только.

— Какъ это я вдругъ съ нимъ, *съ самимъ*, разговаривать стану!

Помолчали мы немного, и Чеховъ опять спрашиваетъ:

— Такъ ни за что не поѣдете?

— Ни за что! Подумайте только сами: вѣдь это съ моей стороны наглостью бы было!

— Тогда, знаете что?—заговорилъ онъ, вставая съ дивана.—Удеремъ куда-нибудь?

— Т.-е. какъ удеремъ?—удивился я.

— Да очень просто: удеремъ изъ дому. К. заѣдетъ и не застанетъ меня и «страшное свиданье» все-таки отложится, хоть на нѣкоторое время.

И мы удрали.

Удрали мы въ ресторанъ «Эрмитажъ» и долго тамъ сидѣли, пили красное вино и говорили о томъ, что Левъ Толстой великій писатель, что онъ глубочайшій сердецвѣдь и какъ было бы пріятно посмотреть на него, послушать его, но только такъ... чтобы самъ онъ насъ не видалъ, а то—«страшно».

А вотъ что случилось ровно черезъ годъ. Я опять пріѣхалъ въ Москву и опять заѣхалъ къ Чехову, и онъ встрѣтилъ меня совершенно тѣми же словами:

— Какъ хорошо, что вы сегодня заѣхали.

— А что такое?

— Да я черезъ часъ ѣду къ Толстымъ, чай пить. Поѣдемте вмѣстѣ.

И сказалъ такъ просто, какъ будто ѣхать къ Толстымъ чай пить, все равно, что ѣхать къ Ивановымъ или Петровымъ. А я даже похолодѣлъ отъ испуга.

— Что вы? Что вы?—говорю.—Опомнитесь! Да съ какой стати я къ нимъ поѣду незванный—непрощенный.

А онъ мнѣ:

— Пожалуйста, безъ отговорокъ! И самъ Левъ Николаевичъ, и вся его семья—люди чрезвычайно простые и милые и встрѣтятъ васъ съ совершенно искреннимъ радушіемъ.

— Да что вы, Антонъ Павловичъ! Что я имъ? Зачѣмъ я имъ? Зачѣмъ я своей особой буду увеличивать у нихъ толпу назойливыхъ и непрощенныхъ посѣтителей.

Но Чеховъ и слышать ничего не хотѣлъ. Онъ говорилъ, что знаетъ, что дѣлаетъ и что я же ему впослѣдствіи за это буду безмѣрно благодаренъ; что у Толстыхъ онъ самъ бываетъ очень часто и, конечно, никакого безтактнаго поступка себѣ не позволить и если везетъ меня съ собой, то уже заранѣе знаетъ, какъ это посѣщеніе будетъ пріятно. Однимъ словомъ, уперся на своемъ—ѣдемъ, да и только!

Тогда я пустился на хитрость: какъ будто согласился, а самъ говорю, что «позвольте мнѣ только сюртукъ надѣть, а то неудобно въ первый же вечеръ въ незнакомое семейство въ пиджакѣ ѣхать».

Чеховъ и противъ этого—было протестовать началъ, говоря, что у Толстыхъ такъ просто, что и въ пиджакѣ можно. Но потомъ согласился и отпустилъ меня, сказавъ, что будетъ меня ждать до восьми съ половиной часовъ.

А я, выйдя отъ него, малодушно улепетнулъ въ ресторанъ «Эрмитажъ», забился тамъ въ какой-то укромный уголокъ и долго въ полномъ одиночествѣ сидѣлъ тамъ, попивая красное вино и размышляя о томъ, какой великій писатель Левъ Толстой, какой онъ удивительный сердцевѣдъ и какъ бы хорошо было посмотрѣть на него,

послушать его рѣчей, но только... такъ, чтобы онъ самъ этого не видалъ. А вернувшись къ себѣ въ гостиницу, я нашель въ своемъ номерѣ записку Антона Павловича, всего три слова: «Вы непролазный трусь».

Скажите, пожалуйста! А самъ забылъ, какъ еще годъ тому назадъ трусилъ!

IV.

Въ 1889 г., на сценѣ Александринскаго театра шла въ первый разъ пьеса А. П. Чехова—«Ивановъ». Я какъ разъ въ это время былъ приглашенъ покойнымъ П. А. Гайдебуровымъ вести театральнй отдѣлъ въ его газетѣ «Недѣля». И моя первая статья была именно объ Чеховскомъ «Ивановѣ».

Появилась она черезъ нѣсколько дней послѣ перваго представленія, когда Чеховъ уже былъ въ Москвѣ, и я сообщилъ ему о моей статьѣ, указавъ ему, въ какомъ именно номерѣ «Недѣли» она появилась. А черезъ нѣсколько же дней получилъ отъ него слѣдующее письмо, написанное на полулисточкѣ почтовой бумаги:

«Милый драматургъ, при всемъ моемъ желаніи достойно привѣтствовать дебютъ критика Тихонова, я не могу сказать Вамъ ни одинаго теплаго слова, такъ какъ «Недѣля» въ Москвѣ составляетъ такую же рѣдкость, какъ бѣлые слоны. Я нигдѣ не могъ найти ее. Не потрудитесь ли Вы прислать мнѣ тотъ N., гдѣ помѣщена Ваша рецензія? Я прочту и присовокуплю ее къ кучѣ рецензій, составляющихъ въ моемъ архивѣ объемистое «дѣло объ Ивановѣ».

Насколько могу судить по тѣмъ Вашимъ пьесамъ, которыя я видѣлъ на сценѣ, изъ Васъ едва ли можетъ выработаться театральнй критикъ. Вы человекъ рыхлый, чувствительный, уступчивый, склонный къ припадкамъ лѣни, впечатлительный, а всѣ сіи качества не годятся для строгаго, безпристрастнаго судьи. Чтобы умѣть писать критику, нужно быть въ душѣ немножко

тою рябой бабой *), которая безъ милосердія будетъ бить Васъ. Когда С—нъ видитъ плохую пьесу, то онъ *ненавидитъ* автора, а мы съ Вами только раздражаемся и ноемъ; изъ сего я заключаю, что С. годится въ судьи и гончія, а насъ (меня, Васъ, Щеглова и проч.) природа сработала такъ, что мы годимся быть только подсудимыми и зайцами. Едина честь лунѣ, едина солнцу...

Напишите-ка лучше рефератъ и прочтите его на Горховой. Сюжетовъ много.

Оттого, что я въ Питерѣ пилъ, не щадя живота, у меня разыгрался генеральный геморрой, отъ котораго я теряю не мало крови. Увы, лавры и опьяненіе не даются даромъ!

Ну, будьте здоровы и веселы. Поклонъ Вашему брату и общимъ знакомымъ. Вашъ А. Чеховъ. 10-го феврала. Нѣтъ почтовой бумаги!»!

Я немедленно послалъ Чехову Н. «Недѣли» съ моей рецензіей, сопровождая ее письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, умолялъ его писать для театра, такъ какъ, по моему мнѣнію, «Ивановъ» является первымъ шагомъ для обновленія русской драматической литературы и что ему, Чехову, суждено, какъ мнѣ кажется, дать намъ новыя формы драмы и комедіи.

Вотъ что отвѣтилъ онъ мнѣ на мое письмо:

«Спасибо за ласковое слово и теплое участіе. Меня маленькаго такъ мало ласкали, что я теперь, будучи взрослымъ, принимаю ласки, какъ нѣчто непривычное, еще мало пережитое. Поэтому и самъ хотѣлъ бы быть ласковъ съ другими, да не умѣю: огрубѣлъ и лѣнивъ, хотя и знаю, что нашему брату безъ ласки никакъ быть невозможно»...

«...Новаго у меня пока ничего. Собираюсь писать что то въ родѣ романа и уже началъ. Пьесы не пишу и буду писать не скоро, ибо нѣтъ сюжетовъ и охоты. Чтобы писать для театра, надо любить это дѣло, а безъ любви ничего дутнаго не выйдетъ. Когда нѣтъ любви, то и

*) Объ этой рябой бабѣ—рѣчь впереди.

успѣхъ не льстить. Начну съ будущаго сезона аккуратно посѣщать театръ и воспитывать себя сценически»...

Итакъ, Чеховъ сталъ «воспитываться сценически» и уже скоро послѣ этого письма, онъ пишетъ мнѣ:

«... Началъ было я комедію, но написалъ два акта и бросилъ. Скучно выходить. Ничего нѣтъ скучнѣе скучныхъ пьесъ, а я теперь, кажется, способенъ писать только скучно, такъ ужъ лучше бросить»...

А, между тѣмъ не его ли упрекали что онъ пишетъ умышленно скучно? Вспомните только первое представленіе «Чайки» въ Петербургѣ. «Чайка» дѣйствительно не имѣла тогда успѣха, но при чемъ тутъ Чеховъ? Вѣдь, если взять «ноктюрнъ» Шопена и разыграть на барабанахъ, надо полагать, что онъ тоже успѣха имѣть не будетъ. А наши присяжные лицедѣи въ то время именно всѣ, поручаемыя имъ пьесы, разыгрывали на барабанахъ. Впрочемъ, въ защиту ихъ можно сказать, что и большинство пьесъ того времени были таковы, что ни на какомъ другомъ инструментѣ ихъ и разыграть нельзя было.

Прошло время и Чеховъ—драматургъ сталъ уже почти для всѣхъ понятенъ, даже для артистовъ, конечно—новѣйшей формаци.

Чеховъ оказалъ громадную услугу русскому театру: онъ сдѣлалъ невозможнымъ писать пьесы по старымъ образцамъ. Онъ потребовалъ на сценѣ не условной, а настоящей правды, и не только потребовалъ, но и далъ намъ ее, показалъ, что она возможна. И Чеховъ—драматургъ, еще въ 1889 г. писавшій, что у него нѣтъ любви къ театру и потому и успѣхъ ему не льстить, ни сколько не ниже Чехова—беллетриста. Впрочемъ, я, кажется, забрался не въ свою область, въ область—критика, т.-е. «гончей», а не «зайца», а потому вернусь къ своимъ воспоминаніямъ о Чеховѣ, о человѣкѣ—Чеховѣ.

V.

Въ то время, когда я узналъ Антона Павловича, да и много еще лѣтъ спустя, матеріальное положеніе его было крайне незавидно. Въ письмахъ его ко мнѣ то и дѣло встрѣчаются такія фразы: «яко нагъ, яко благъ и зубы положилъ на полку. Если Вы въ самомъ скоромъ времени пришлете мнѣ деньжонокъ*), то уподобитесь водоносу, встрѣчающемуся путнику въ пустынь»... Или:... «Въ письмѣ къ разсказу, я также вопіялъ къ Вамъ насчетъ авансика; Вы какъ то въ одномъ изъ своихъ писемъ проговорились, что можно получить «и впередъ»— посылая разсказъ свой, я вспомнилъ объ этомъ «и впередъ» съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ у меня денегъ буквально *ни гроша*. Надо въ Питеръ ѣхать, а у меня даже на билетъ нѣтъ, и я сижу у моря и жду погоды. Просто хотъ карауль кричи»... Или: «Если будете высылать мнѣ деньги, то нельзя ли устроить эту церемонію черезъ контору бр. Волковыхъ, переводомъ по телеграфу. Расходы по переводу мои. Страсть, какъ приспичило!..»

А, между тѣмъ, именно въ то время Антонъ Павловичъ работалъ особенно много. Произведенія его не залеживались «въ портфелѣ автора», да и гонораръ онъ получалъ, *какъ говорили*, большой (вотъ то-то, что «какъ говорили»: Антонъ Павловичъ самъ никогда этого не говорилъ); и книги его, въ изданіи А. С. Суворина, расходились бойко; и образъ жизни онъ велъ самый умѣренный—не былъ ни пьяницей, ни мотомъ, ни картежникомъ. Мало того, въ литературныхъ кружкахъ того времени «пускали слухъ», что издатель «Новаго Времени», А. С. Суворинъ любитъ Ан. П. Чехова, какъ роднаго сына и щедрой рукой платитъ ему за его произведенія и изданія. И «счастливчикъ» Чеховъ теперь можетъ себя считать обезпеченнымъ на всю жизнь и пи-

*) Я въ то время (1891 г.) былъ редакторъ журнала «Сѣверъ» и наша редакція должна была ему за разсказъ «Попрыгунья».

сать только то, что ему захочется, не думая о кускѣ хлѣба.

И какъ же все это сопоставить съ выраженіями: «яко благъ, яко нагъ и зубы положилъ на полку...» «Надо въ Питеръ ѣхать, а у меня даже на билетъ нѣтъ...» «Переведите по телеграфу. Страсть, какъ приспичило!..» Можно, право, подумать, что Чеховъ сторублевыми бумажками сигары закуривалъ.

А все это потому, что про благосостояніе Чехова говорили или, вѣрнѣе, пускали слухъ люди, желавшіе превознести, «легендарную» щедрость А. С. Суворина. На самомъ же дѣлѣ, Антонъ Павловичъ получалъ отъ своего издателя отнюдь немного и, во всякомъ случаѣ, далеко далеко меньше того, чѣмъ онъ стоилъ. И вотъ потому, несмотря на упорную работу, ему, хотя чело-вѣку и скромному, но съ семьей—мать, отецъ, братья, сестра—на рукахъ, едва удавалось сводить концы съ концами. И такъ длилось долго, до тѣхъ поръ, ка-жется, пока Чеховъ совершенно не развязался съ «Но-вымъ Временемъ» и его книгоиздательствомъ, продавъ право на свои сочиненія А. Ф. Марксу.

П. А. Сергѣенко, въ своихъ воспоминаніяхъ, упо-миная объ этомъ, говорить, что Чеховъ написалъ ему письмо, въ которомъ уподобляетъ себя чело-вѣку, полу-чившему изъ консисторіи извѣщеніе о разводѣ съ не-любимой женой.

А, между тѣмъ, въ то время, т.-е. еще задолго до этого развода, былъ пущенъ слухъ, что А. С. Суворинъ покупаетъ для Чехова гдѣ то имѣніе. А вотъ что пи-салъ мнѣ самъ Чеховъ по поводу этой покупки:

«Простите, драгоцѣнный Владиміръ Алексѣевичъ, что такъ долго не отвѣчалъ на Ваше письмо, Во-первыхъ, недавно только вернулся изъ Воронежской губ., и во-вторыхъ, покупаю имѣніе (не къ ночи будь сказано) и цѣлые дни провожу во всякаго рода нотаріальныхъ, банковыхъ, страховыхъ и иныхъ паразитныхъ учреж-деніяхъ. Покупка моя довела меня до остервенѣнія. По-хожъ я на чело-вѣка, который зашелъ въ трактиръ только

затѣмъ, чтобы съѣсть битокъ съ лукомъ, но, встрѣтивъ благопріятелей, нализался, натрескался, какъ свинья, и уплатилъ по счету 142 р. 75 к. Разсчитывалъ я купить за пять тысячъ и отдѣлаться этою суммою, но увы!.. удавы, въ видѣ всякихъ купчихъ, закладныхъ, залоговыхъ и проч. съ перваго абцуга сковали меня, и я слышу, какъ трещать мои кости, и, закрывши глаза, ясно вижу, какъ мое имѣніе продается съ аукціона. Увы!..»

А черезъ два мѣсяца послѣ этого, онъ уже пишетъ мнѣ нѣсколько въ иномъ духѣ:

«26-го апрѣля 1892 года за изображеніе внѣшняго вида моей наружности *) приношу вамъ мою благодарность. Портретъ, говорятъ, очень удаченъ, а статья Дѣдлова (вѣдь это его статья?) приписываетъ мнѣ достоинства, какихъ я никогда не имѣлъ и имѣть не буду.

Ну-съ, сударь, за то, что вы помѣстили мой портретъ и тѣмъ способствовали къ прославленію моего имени, дарю вамъ пять пучковъ редиски изъ своего собственнаго парника. Вы должны пріѣхать ко мнѣ и съѣсть эту редиску. Мой адресъ: Ст. Лопасня, Моск.-Курск. дор., село Мелихово. Проѣхать отъ Москвы въ третьемъ классѣ стоитъ 1 р. 1 коп., но если вы въ кассѣ скажете, что вы литераторъ, то быть можетъ, вамъ уступятъ 1 коп. Отъ станціи до Мелихова, гдѣ я живу, ямщики берутъ не болѣе рубля. Ямщики съ колокольчиками. Разстояніе 9 верстъ. Встрѣчные мужики будутъ вамъ кланяться, изъ чего вы можете заключить, что васъ давно уже ждуть. Пейзажи у меня скромные, вѣковыхъ кедровъ и бездонныхъ овраговъ нѣтъ; но пройтись и полежать на травѣ есть гдѣ. *Спѣшите, пока имѣніе мое не продано съ аукціона!..»* и т. д.

Здоровье Антона Павловича Чехова тоже уже давно начинало разстраиваться и послѣдніе годы поддерживалось крайне воздержаннымъ образомъ жизни. Еще до

*) Въ это время въ журналѣ „Сѣверъ“ былъ помѣщенъ портретъ Антона Павловича и статья о немъ.

поѣздки на Сахалинъ, онъ уже и покашливалъ, и то и дѣло его лихорадило. Умеръ онъ, какъ извѣстно, отъ чахотки. Отъ чахотки же умеръ его старшій братъ, художникъ Николай Павловичъ. Кромѣ нихъ двухъ, чахоточныхъ въ семьѣ Чехова, кажется, не было. И кто знаетъ, можетъ быть, и Антонъ Павловичъ заразился чахоткой, ухаживая весной и лѣтомъ 1889 г. за своимъ больнымъ братомъ.

Кромѣ легочныхъ страданій, у Антона Павловича въ восьмидесятихъ и первой половинѣ девяностыхъ годовъ были еще припадки сердца. Узналъ я объ этомъ слѣдующимъ образомъ: разговаривая съ нимъ однажды, какъ съ врачомъ, я жаловался ему на странные сердечные припадки, бывающіе у меня почти каждую ночь въ моментъ засыпанія.

— Вы знаете?—сказалъ Антонъ Павловичъ,—совершенно такіе же припадки бываютъ и у меня, и я самъ не знаю, какъ отъ нихъ отдѣлаться.

А въ 1895 году, когда мы встрѣтились съ нимъ въ Петербургѣ, онъ спросилъ меня:

— Ну, какъ ваши припадки?

— Да продолжаютъ попрежнему,—отвѣтилъ я.

— Ну, а я отдѣлался отъ нихъ. И знаете чѣмъ? Рѣшительно и безповоротно бросилъ курить, и всѣ припадки, какъ рукой сняло.

Однажды, на одно изъ писемъ Чехова, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, что у него открылось кровохарканье, я, чтобы утѣшить его, въ отвѣтномъ письмѣ сдѣлалъ предположеніе, что кровохарканье это можетъ быть истерическаго характера, что это не больше, какъ припадокъ истеріи, которая, какъ извѣстно, симулируетъ симптомы всевозможныхъ болѣзней.

На это письмо онъ писалъ мнѣ:

«...Вы совершенно вѣрно изволили замѣтить, что у меня истерія. Только моя истерія въ медицинѣ называется—«чахоткой»...

Онъ, какъ врачъ, зналъ, что онъ боленъ и чѣмъ

боленъ, и не закрывалъ малодушно глаза передъ грядущей смертью.

И несмотря на нужду, которую онъ переживалъ, несмотря на болѣзнь, уже много лѣтъ подтачивавшую его жизнь, онъ никогда не хныкалъ, не жаловался и при другихъ неизмѣнно пребывалъ въ миломъ, благодушномъ настроеніи духа. Всегда съ добродушно-насмѣшливой улыбкой на устахъ, онъ умѣлъ эту улыбку перенести и въ свои чудныя письма, пересыпая ихъ то веселымъ юморомъ, то лирическими, нѣжными нотками. Вотъ одно изъ этихъ милыхъ писемъ, особенно характерныхъ для Чехова. Привожу его цѣликомъ:

«31-го мая (1889 г.).

Живу я, милый російскій Сарду, не въ Парижѣ и не въ Константинополѣ, а, какъ вы вѣрно изволили замѣтить на конвертѣ Вашего письма, въ г. Сумахъ, въ усадьбѣ г-жи Линтваревой. Радъ бы удрать въ Парижъ и взглянуть съ высоты Эйфелевой башни на вселенную, но—увы!—я скованъ по рукамъ и ногамъ и не имѣю права двинуться съ мѣста ни на одинъ шагъ. У меня боленъ чахоткою мой братъ художникъ, который живетъ теперь со мной.

Погода великолѣпная. Тепло, птицы поютъ, крокодилы квакаютъ. Пселъ широкъ и величествененъ, какъ генеральскій кучеръ. Но, благодаря вышеописанному обстоятельству, живется скучно и сѣро. Спасибо добрымъ людямъ—навѣщаютъ меня и дѣляютъ со мною скуку, иначе пришлось бы плохо. Гостилъ у меня дней шесть С., сегодня пріѣдетъ Свободинъ, бывають сосѣди—день идетъ за днемъ, разговоръ за разговоромъ, анъ глядь—уже и весны нѣтъ, іюнь на носу.

Работаю, хотя и не усердно. Потягиваетъ меня къ работѣ, но только не къ литературной, которая пріѣлась мнѣ. Пишу романъ. Кое что какъ будто выходитъ; быстро писать не умѣю, тяну черезъ часъ по столовой ложкѣ, и оттого не знаю, когда Вы будете имѣть удовольствіе въ сотый разъ убѣдиться, что я

не такой великій человѣкъ, какъ вѣщаль за обѣдомъ Сок—инъ. Кончу я романъ черезъ 2—3 года.

Началь было я комедію, но написалъ два акта и бросилъ. Скучно выходить. Нѣтъ ничего скучнѣе скучныхъ пьесъ, а я теперь, кажется, способенъ писать только скучно, такъ ужъ лучше бросить.

Ваше томленіе я понимаю. Оно пройдетъ и пьеса будетъ написана Вами во благовременіи. Ваша «Безъ коромысла и утюга»*) шла недавно въ Одессѣ. Стало быть, напрасно Вы отзываетесь презрительно о сіей пьесѣ. Все хорошо. Поймите разъ навсегда, что драматургія—ваша профессія, что Вамъ приходится писать ежегодно по одной—по двѣ пьесы, что поэтому поневолѣ Вы не можете писать одни только шедевры. На десятокъ пьесъ должно приходится семь неважныхъ—таковъ удѣлъ всякой профессіи. Поймите сіе, и Вамъ станеть понятно, что все хорошо и все слава Богу.

Вы хотите, чтобы я повліялъ на Жана Щеглова и вернулъ его на путь беллетристики. Въ своихъ письмахъ я всякій разъ усердно журю его, но всѣ мои жидкія сентенціи, какъ волны объ утесъ, разбиваются въ брызги, наталкиваясь на страсть. Страсть выбивается только страстью, а сентенціями да логикой ничего не подѣлаешь. Самое лучшее—оставить Жана въ покоѣ и ждать, когда въ немъ перекипитъ театральная бурда, и самъ онъ естественнымъ порядкомъ прійдетъ къ нормѣ.

Передъ выѣздомъ изъ Москвы, засѣдалъ я, какъ новоиспеченный членъ, въ Комитетѣ общества драмат. писателей. Вынесъ такое впечатлѣніе: дѣла Общества идутъ превосходно.

Если вѣрять газетамъ, то у Васъ на сѣверѣ теперь холодно. А у насъ жарко.

Если не лѣнь, и если Вы еще не женились на рябой бабѣ, бьющей Васъ и мѣшающей Вамъ писать, то пишите мнѣ.

*) Такъ въ шутку называлъ онъ мою пьесу „Безъ кормила и весла“.

Какъ Вы насчетъ спиртуозовъ? Придерживаетесь или отрицаете?

Ну, будьте здоровы и счастливы. Моя фамилія благодарить Васъ за поклонъ и тоже кланяется. Вашъ А. Чеховъ. Если брату станетъ полегче, то уѣду на Кавказъ».

VI.

Чеховъ любилъ иногда огорошить васъ какимъ нибудь парадоксомъ. Скажетъ что нибудь «этакое», а потомъ смотритъ на васъ и улыбается. Разъ онъ спрашиваетъ меня:

— Что, если-бъ вы не были женаты, на комъ бы вы женились?

— На рябой бабѣ,—отвѣтилъ я ему.

Антонъ Павловичъ сдѣлалъ большіе глаза. На этотъ разъ, видимо, я его огорошилъ.

А я сталъ дальше развивать мою мечту.

— Видите ли,—говорю,—высшее счастье можно постигнуть, только женившись на толстой рябой бабѣ и поселившись съ ней въ маленькой избушкѣ на берегу Волги, при чемъ получать пенсію—7 руб. 50 коп. въ мѣсяць. И жить на эту пенсію. И чтобъ у этой бабы характеръ былъ самый гнусный, и чтобъ она васъ походя колотила: то валькомъ, то скалкой, а то прямо кулакомъ по затылку. Мало того, чтобъ она завела себѣ любовника, какого нибудь сельскаго писаря, и вотъ, когда этотъ писарь будетъ пріѣзжать къ ней въ гости, чтобы вмѣстѣ съ ней пьянствовать, то на это время она совсѣмъ васъ будетъ выгонять изъ дому и вы будете съ удочкой уходить внизъ, на самую Волгу, садиться гдѣ нибудь въ кустахъ ивняка и удить рыбу. А рыба совсѣмъ не будетъ попадаться вамъ на удочку. И вамъ будетъ ужасно грустно, и вы начнете плакать горькими-горькими слезами. И вотъ въ это то самое время, рябая баба, т.-е. супруга ваша, вдругъ вспомнитъ объ васъ, сжалится, кликнетъ васъ наверхъ и изъ своихъ

рукъ поднесеть вамъ стаканчикъ водки. И это будетъ самая счастливая минута вашей жизни, и вы тогда увидите, что на небѣ горитъ солнце, Волга величественна, а въ кустахъ орѣшника поютъ птицы. И изъ вашихъ глазъ брызнутъ слезы, но на этотъ разъ уже слезы радости.

Чеховъ, выслушавъ эту картинку, задумчиво сказалъ :

— Да, въ этомъ есть что-то такое.

А потомъ, помолчавъ немного, добавилъ :

— А вотъ я хочу жениться непременно на сумасшедшей актрисѣ.

Этотъ разговоръ происходилъ между нами, сколь помнится, въ 1888 г. И съ тѣхъ поръ, Чеховъ никогда не забывалъ «рябой бабы». Воспоминанія объ ней то и дѣло встрѣчаются въ письмахъ его ко мнѣ и даже въ надписяхъ на его книжкахъ, которыя онъ мнѣ дарилъ.

Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ напимѣръ :

«...Когда будете жениться на рябой бабѣ, которая будетъ Васъ бить, и когда на Волгѣ, вмѣстѣ съ этою бабой и ея любовникомъ станетъ одолѣвать Васъ непогода, то Вамъ будетъ скучно. Но эта скука ничто въ сравненіи съ тѣмъ уныніемъ, въ какое я впалъ, вернувшись изъ Вашего шумнаго Питера...» (1888 г.).

Однажды, въ разговорѣ, Чеховъ какъ то сказалъ мнѣ :

— У васъ очень неудобная фамилія для беллетриста. Петровъ, Ивановъ, Тихоновъ—очень хороши для коммерческаго дѣла, а для литераторовъ нужно что нибудь звучное. Отчего вы не взяли себѣ какого нибудь хорошаго псевдонима?

Я отвѣтилъ ему, что какъ то не надумалось.

— Вотъ, говорю, — выдумайте мнѣ сами.

И черезъ нѣсколько времени получаю отъ него въ подарокъ книжку съ надписью :

«Владиміру Алексѣевичъ Беневоленскому (бывшему Тихонову)», а въ сопровождавшемъ книжку письмѣ значится :

«...Возьмите себѣ какую нибудь другую фамилію, звучную и пріятную, на примѣръ: Беневоленскій, по-дайте въ департаментъ герольдіи, тамъ разрѣшать вамъ такъ называться...

Чеховъ любилъ шутку и любилъ общество. Любилъ соединять людей и всегда говорилъ:

— Намъ всѣмъ нужно соединяться, соединяться, иначе насъ поодинокѣ переключаютъ всѣхъ.

Помню въ январѣ мѣсяцѣ 1892 г. онъ жилъ въ Петербургѣ и часто заходилъ ко мнѣ въ редакцію «Сѣвера». И вотъ, разъ говоритъ:—Слушайте, завтра Татьянинъ день. Какъ бы намъ всѣмъ, беллетристамъ, соединиться и пообѣдать вмѣстѣ?

— Что-жь,—говорю—Антонъ Павловичъ, мысль прекрасная! Давайте собирать публику.

Къ намъ присоединились І. І. Ясинскій, Н. А. Лейкинъ, П. П. Гнѣдичъ, а на другой день, т.-е. 12-го января, въ ресторанѣ «Малый Ярославецъ», собралось около тридцати беллетристовъ за дружной трапезой. Это былъ первый «обѣдъ беллетристовъ». Пили за процвѣтаніе Московскаго университета; за нашего дорогого московскаго гостя и инициатора этихъ обѣдовъ, Антона Павловича; за старѣйшаго изъ присутствующихъ между нами беллетриста, Дмитрія Васильевича Григоровича. Говорилъ свои рѣчи генералъ Дитятинъ—Иванъ Федоровичъ Горбуновъ, острилъ Сергѣй Атава...

Обѣды беллетристовъ продолжаются и до сихъ поръ, но такого живого и веселаго не было ни одного. Чеховъ былъ въ самомъ чудномъ расположеніи духа. Кто-то задалъ вопросъ:

— А много ли здѣсь, среди насъ, людей съ университетскимъ образованіемъ?

Стали пересчитывать и, къ немалому нашему изумленію, оказалось, что изъ тридцати беллетристовъ окончилъ полный курсъ въ университетѣ только—двое: Чеховъ въ московскомъ и Кигнъ (Дѣдловъ)—въ петербургскомъ.

«Дружеская бесѣда», послѣ этого обѣда, «затянулась

далеко за полночь». Передъ тѣмъ, какъ разойтись, всѣ рѣшили непременно продолжать эти обѣды, собираясь разъ въ мѣсяцъ. Распорядителемъ, по предложенію Чехова, былъ выбранъ я и два года послѣ этого собиралъ беллетристовъ, но уже въ ресторанѣ Донона. А потомъ передалъ свое распорядительство другимъ.

— Голубчикъ,—говорилъ мнѣ, прощаясь Чеховъ,— поддерживайте эти обѣды! Берегите ихъ. Право, это необходимо. Поймите, что мы должны быть вмѣстѣ. А русскіе люди такъ склонны къ тому, чтобы расползаться. Пусть эти обѣды будутъ связующимъ цементомъ, хотя бы только для беллетристовъ.

Во время моего редакторства въ «Сѣверѣ», я намѣтилъ въ первыхъ же номерахъ помѣстить портретъ и біографію Антона Павловича Чехова, а по сему обратился къ нему съ просьбой сообщить мнѣ автобіографическія данныя. И вотъ выписки изъ его письма:

«...Вамъ нужна моя біографія? Вотъ она: Родился я въ Таганрогѣ въ 1860 г. Въ 1878 г. кончилъ курсъ въ таганрогской гимназіи. Въ 1884 г. кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по медицинскому факультету. Въ 1888 г. получилъ пушкинскую премію. Въ 1890 г. совершилъ путешествіе на Сахалинъ и обратно моремъ. Въ 1891 г. совершилъ турнэ по Европѣ, гдѣ пилъ прекрасное вино и ѣлъ устриць. Въ 1892 г. гулялъ на именинахъ съ В. А. Тихоновымъ. Писать началъ въ 1879 г. въ «Стрекозѣ». Сборники мои суть: «Пестрые рассказы», «Въ сумеркахъ», «Хмурые люди» и повѣсть «Дуэль». Грѣшилъ и по драматической части, хотя и умеренно. Переведенъ на всѣ языки, за исключеніемъ иностранныхъ. Впрочемъ, давно уже переведенъ нѣмцами. Чехи и сербы также одобряютъ. И французы не чужды взаимности. Тайны любви постигъ я, будучи 13 лѣтъ. Съ товарищами, какъ врачами, равно и литераторами, пребываю въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ. Холость. Желалъ бы получить пенсію. Медициной занимаюсь и даже настолько, что, случается, лѣтомъ произвожу судебно-медицинскія вскрытія, коихъ не совер-

шалъ уже года 2—3. Изъ писателей предпочитаю Толстого, а изъ врачей—Захарьина.

«Однако, все это вздоръ. Пишите, что угодно. Если нѣтъ фактовъ то замѣните ихъ лирикою...».

Съ 1894 года я все рѣже и рѣже встрѣчался съ Антономъ Павловичемъ. Онъ уже большею частью жилъ на югѣ, въ Крыму, а я—на сѣверѣ, въ Петербургѣ. И съ каждой новой встрѣчей замѣчалъ я, что здоровье Чехова все болѣе и болѣе разрушается, и самъ онъ становится грустнѣе и задумчивѣе. Рѣже скользить милая улыбка на его устахъ, рѣже сыплеть онъ своими шутками и парадоксами. Говорить уже онъ мало, но тѣмъ болѣе цѣнно, тѣмъ болѣе вѣско каждое его слово. Боюсь на память приводить отдѣльные его выраженія. Можно какъ-нибудь исказить, переиначить, а отъ этого—упаси Боже! Довольно и писемъ его. Въ нихъ онъ, вѣдь, былъ такой же, какъ и въ жизни, и писалъ онъ ихъ также просто, какъ и говорилъ.

Но вотъ и письма его становятся все грустнѣе и грустнѣе.

«...Раскисъ я совсѣмъ. Все хочется лежать...» пишетъ онъ мнѣ въ 1897 г.

А въ 1899 г. письма его уже начинаютъ носить отъѣнокъ совсѣмъ грустно-лирической, хотя присущій ему юморъ и въ нихъ еще не оставляетъ его. Вотъ одно изъ нихъ, писанное мнѣ изъ Ялты, 1899 г.:

«5 янв.

«Здравствуйте, милый Владиміръ Алексѣевичъ! Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ и желаю Вамъ здоровья, славы, выигрышныхъ билетовъ и полного удовольствія въ жизни. Благодарю сердечно за письма и книжку. И я тоже частенько вспоминаю о Васъ—вспоминаю, какъ мы вмѣстѣ служили въ одной дивизіи*), какъ въ ночь подъ Крещенье мы вмѣстѣ бродили по Петербургу, и потомъ на другой день Вас.

*) Шутка. Намекъ на мои устные рассказы отъ лица „легендарнаго“ генерала Тетерина.

Ив. Немировичъ-Данченко рассказывалъ *), будто Вы въ Исаакіевскомъ соборѣ, стоя на колѣняхъ, били себя по груди и восклицали: «Господи, прости меня грѣшнаго!». Помните вы эту ночь**?). Это было подъ 6-ое января, сегодня годовщина, и я спѣшу поздравить Васъ и выразить искреннее сожалѣніе, что я не съ Вами и что мы не можемъ опять побродить до утра, какъ тогда.

Вы когда то увѣряли, что у Васъ истерія. А какъ теперь? Здоровы ли? Какъ чувствуете себя?

Мое здоровье порядочно, но въ Москву и въ Питерь меня не пускаютъ; говорятъ, что бацилла не выносить столичнаго духа. Между тѣмъ мнѣ ужасно хочется въ столицу, ужасно! Я здѣсь соскучился, сталъ обывателемъ и, повидимому, уже близокъ къ тому, чтобы сойтись съ рябой бабой, которая бы меня въ будни била, а въ праздники жалѣла. Нашему брату не слѣдуетъ жить въ провинціи. Я еще допускаю Павловскъ***), это аристократическій городъ (я подозреваю, что вы избрали его для жизни именно поэтому), городъ государственныхъ мужей. Ялта же мало чѣмъ отличается отъ Ельца или Кременчуга; тутъ даже бациллы спятъ.

Напишите мнѣ, что новаго въ литературномъ мірѣ? Гдѣ Василій Ивановичъ? Когда пришлете вторую и третью книжки? Написали ли новую пьесу?

Пишите мнѣ, не жалѣйте цѣлительнаго бальзама, въ которомъ я такъ нуждаюсь.

Если увидите скоро нашихъ общихъ знакомыхъ, то поклонитесь, скажите, что я скучаю. Безъ литераторовъ скучно.

Еще разъ благодарю, что вспомнили и прислали письмо. Крѣпко жму руку и желаю всего вышперечисленнаго, а наипаче всего здоровья, которое такъ необходимо для людей въ нашемъ возрастѣ и чинѣ. Не забывайте, вашъ А. Чеховъ».

*) Sie!

**) Это было въ 1892 г.

***) Я въ 1890 г. жилъ въ Павловскѣ.

Да, только послѣ смерти понялъ я—да и я ли одинъ— что утрачено мною со смертью Чехова, не только писателя, но и человѣка.

Въ минуты горя, въ минуты раздраженія, подѣ впечатлѣніемъ какой нибудь обиды или несправедливости, случалось мнѣ обращаться къ Чехову. И онъ одними ему извѣстными чарами, умѣлъ разгладить набѣгавшія на мой лобъ горькія морщины, умѣлъ однимъ какимъ нибудь словомъ смягчить полученную обиду и показать, что мое личное горе такое маленькое, такое ничтожное по сравненію съ тѣмъ великимъ горемъ, подѣ гнетомъ котораго стонетъ подѣ часъ весь русскій народъ. И становилось легче за себя и какъ бы даже стыдно за свое благополучіе, и душа тянулась туда, гдѣ я—счастливый—могъ помочь истинно несчастнымъ.

Въ дѣтствѣ, когда бывало я со своими маленькими, ребячьими огорченіями прибѣгалъ къ моему отцу и жаловался ему, и плакалъ, онъ клалъ мнѣ руку на голову и какъ то мягко говорилъ:

— А ты полно! полно! Другимъ то еще хуже. Ихъ пожалѣй!

И я успокаивался.

Сколько разъ Антонъ Павловичъ Чеховъ говорилъ мнѣ эти же «отцовскія» слова и сколько разъ онъ успокаивалъ мое «за себя» раздраженное сердце.

А теперь его нѣтъ. Онъ умеръ.

«Кому повѣмъ печаль мою?»

Влад. Тихоновъ.